

АЛЕКСАНДР ЗОРИН

ВОСХОД
ВЕНЕРЫ

Александр Зорин

ВОСХОД ВЕНЕРЫ

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2=411.2)6-5я44
3-86

Зорин Александр

Восход Венеры [сборник стихов] / М.: Новый Хронограф,
2022. – 128 с.

ISBN 978-5-94881-517-6

Поэзия Александра Зорина отстаивает возможность преобразования: отчаяния – в надежду, мрака – в проблеск света, греховности – в покаяние, грязи – в чистоту. Его стиху в равной степени свойственны как мощь подчас угловатого, огненного слова, так и пронзительная исповедальность глубокого личного чувства. Он, если хотите, одержим стремлением к истине, и с усилиями, болью, промахами и озарениями всю свою творческую жизнь прокладывает к ней путь. Близко ли подошел он к ней в своем неустанном поиске или стоит лишь в середине пути – дело, как нам кажется, совсем не в этом. Он – без сомнения – видит впереди свет, и верит ему, и всей своей судьбой художника пробивается к нему, и зовет нас за собой.

Александр Нежный

ISBN 978-5-94881-517-6

© Зорин А.И., автор, 2022

© Издательство «Новый Хронограф», 2022

ГАЛИНА КАЛИНКИНА И АЛЕКСАНДР ЗОРИН Интервью для журнала «Этажи». Сентябрь, 2021 г.

Г.К. Из вашего доклада на Конференции, посвящённой Хосе-Мари Эскрива (2002 г.) мы узнаём начало вашей биографии. «Я родился в начале Второй мировой войны, в Москве, в семье служащих: отец – художник, мать – учительница музыки и географии. Стихи начал писать в дошкольном возрасте, примерно тогда же, когда научился читать. Первыми моими текстами были газеты, постеленные на столах в детском саду вместо скатертей, и уличные вывески. Оторвёшь кусок газеты и в мёртвый час, когда всех укладывают на послеобеденный сон, я не спал, а под одеялом, в щёлочку света, складывал буквы в слова.

Г.К. А кто вас буквам-то учил?

А.З. Мама, на улице. Весь букварь перед глазами. «Аптека», «Булочная», «Вино». Буквы большие, да ещё озвученные родным голосом. Легко запоминались.

Г.К. Мама была вашим первым учителем. А кто вторым? Кто из писателей или ярких личностей оказал большое влияние?

А.З. Писателей было много, а из личностей – самой центральной – священник Александр Мень.

Если поставить его, свидетеля Христова, в центр моей жизни, то путь к центру для меня был весьма путанным и прерывистым. Я не уверен, впрочем, что центра достиг и достигну в оставшиеся земные сроки. Не уверен, всё ли мне открылось в личности этого человека, несомненно, повлиявшего на меня в жизни более чем кто-либо.

Г.К. Но, судя по количеству звёздных названий в ваших стихах, центр пребывает где-то в небесных сферах.

А.З. Не совсем так. Иммануил Кант вывел как формулу: «Две вещи восхищают меня – это звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Это две составляющие одного целого. Человеческая цивилизация развивается, постигая их взаимозависимость. Но, разрешите, начну издалека.

Учась в Литературном институте заочно (то есть, не посещая лекции в течение учебного года, а только на предэкзаменационных сессиях), я был предоставлен сам себе и постигал учебный курс хаотично. Приходилось где-то работать, выкраивая время на самостоятельные занятия. Работал я и сторожем, и дворником, и заправщиком электрокары на автобазе, и разнорабочим в Крымской обсерватории, и в многочисленных геологических экспедициях (после школы окончил геологический техникум). Из литературного заработка подкармливали переводы иноязычных поэтов, в основном эстонских. Словом, выбирал работу, оставлявшую необходимый досуг для чтения. И в эти счастливейшие досуги открывал для себя и русскую, и советскую, и зарубежную классику. Назову в приблизительной последовательности имена писателей, судьба которых была для меня не менее важной, чем их литература. Из русских писателей это Чехов, Лесков, Достоевский, Пушкин(!), Толстой, Есенин, Блок, Павел Васильев, Цветаева, Волошин, Бунин, Андрей Платонов, Заболоцкий... С Заболоцкого начался серьёзный интерес к астрономии. Он переписывался с Циолковским. Открыв для себя Циолковского, я погрузился в его жизнь и натурфилософские сочинения. После Циолковского — философ-утопист Николай Фёдоров, после Фёдорова — снова Толстой. Этот «матёрый человечище» казался мне тогда Иисусом Христом, незнанно посетившим Землю во втором пришествии. Я ещё не касался Евангелия. А когда прикоснулся и многое переписал оттуда в толстую тетрадь, о Толстом уже так не думал.

Повторяю, писатели, которых я перечислил, важны были для меня и своим творчеством, и подвижнической жизнью. К ним можно добавить (в мои молодые годы) американца Генри Торо, француза Алена Бомбара... Торо поселился в 1845 году вдали от цивилизации на берегу лесного озера Уолден. Это был для меня заразительный пример пустынножительствa, свободного от религиозных канонов. Многие годы (с мая по сентябрь-октябрь) я жил на хуторе в Латвии, на берегу Рижского залива. Хозяева, Аболтиньши, поселили меня в баньке, где я сочинял стихи, читал запоем Библию и

блуждал по звёздному небу с помощью телескопа, который привёз туда из Москвы («И, если бы... купить бы телескоп! Уж не такая роскошь для поэта...»). Купил и привёз в Куй-вижи. Учение Генри Торо и американских философов его круга, трансценденталистов, пленили меня романтической идеей: «Бог ближе к людям в лесах и горах, чем в городах».

Французский врач Ален Бомбар — в одиночку на шлюпке переплывший Атлантический океан, чтобы доказать людям, потерпевшим кораблекрушение, что они могут спастись — тоже был заразительный пример. На рыболовецком траулере я ушёл в море, подрядившись простым матросом. Северные акватории в Атлантическом океане, доступные для российского флота, тогда ещё были промысловыми. Я испытал то, о чём мечтал: побывал в самом узилище стихий, когда шторма вздымали на гребень волны старенькое судёнышко и рушили его вниз. Волна стояла у меня перед глазами, как мутная стена, до которой, казалось, можно было дотянуться рукой. При этом была видна бездна, куда я проваливался вместе с палубой и со всей своей восторженной жизнью. Вцепившись в поручни, в тот раз я не уходил с палубы, пока капитан не заметил меня из рубки и не прорычал по громкой связи, чтобы я убирался в каюту.

«Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане
Средь грозных волн и бурной тьмы...»

Эти рискованные порывы на грани безумия Пушкин считал, может быть, залогом бессмертия... С этим, пожалуй, не соглашусь. Да и Пушкин не уверен: «может быть...», «Но счастлив тот, кто среди волнения // Их обретать и ведать мог». Это правда, мгновенное счастье сопряжено с риском...

Здесь надо бы сказать, как попали ко мне эти книги. «За бортом по своей воле» Алена Бомбара купил мой отец. Вышедший из заключения после смерти Сталина и вернувшись в семью, он стал собирать библиотеку, которая спасла меня от

улицы, от уголовного мира. В девятом классе я расстался с дворовыми друзьями и каждый день до двух часов ночи просиживал за очередным томом. Еженочное уединение: кухня в общей квартире, тусклая лампочка под потолком...

Уже учась в институте, я написал письмо Алену Бомбару. Точного адреса я не знал, но письмо дошло, что свидетельствовало о колоссальной популярности этого человека во Франции. Бомбар мне ответил. Он стал символом спасения гибнущего человечества. Теряя веру в Истинного Спасителя, люди теряют и волю к спасению. Позже он возглавил общество бывших чемпионов, бывших победителей на своём поприще и «сошедших со сцены». Их надломленная жизнь оказалась куда более опасной, чем та, когда они боролись за первенство. Нечто подобное испытал и Бомбар, одолевший Атлантический океан и столкнувшийся с океаном вражды и недоверия на суше.

А книгу Генри Торо «Уолден или жизнь лесу» я купил на дальнем севере. Мы с моим другом Евгением Винниковым провели зиму 1965–1966 года в Архангельской области, в приморской деревне Кушерека. И вот, возвращаясь, оказались в Онеге, районном городишке, зашли, разумеется, в книжный магазин. И там Женя ткнул меня носом в это сокровище. Сам бы я не заметил, имя американского философа мне ничего не говорило.

Евгений Соломонович Винников (настоящая фамилия Хаимов), одно время был моим просветителем, ревностным поводырём в советских потёмках, и не только моим. Человек гениальных способностей, широко и памятно начитанный, он подавал надежды, как молодой писатель. И был замечен известными мастерами слова: Львом Славным, Юлианом Семёновым... Стал печататься... Но главные свои вещи, остроконфликтного содержания, опубликовать не мог. Не это ли его подкосило?... Писательство кончилось, началась беспорядочная жизнь, засасывающая в болото. Мне тогда казалось, что наша действительность не даёт возможности ему по-настоящему раскрыться. Что она мелковата для него, как

затхлая лагуна, для океанского лайнера с глубокой посадкой. Что он не плывёт, а стоит на месте, черпая по дну.

Отчасти так и было. Сколько подлинных талантов было загублено в нашем злонамеренном мелководье. Особенно среди тех, кто не услышал слова Спасителя: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

Г.К. Астрономия не уводила Вас от литературы, от врождённого призвания поэта?

А.З. Напротив. По-своему разворачивала к центру. Наблюдение звёздного неба, притягательного для меня и сегодня, чтение астрономической популярной литературы, конечно же, ставило вопросы, на которые ищешь ответа. Как у меня в стихах тех лет: «Но кто мы, и откуда, и куда?..»

В Бюракане (Армения) в сентябре 1971 года собралась первая международная конференция, посвящённая проблемам связи с внеземными цивилизациями. Я участвовал в ней, как пристрастный слушатель и читатель. В то время стали просачиваться в прессу статьи, заметки уфологического содержания. Соблазнительны были «сведения» о неопознанных летающих объектах, о пришельцах из иных миров. Братья по разуму в соседней галактике! Но от явлений космического масштаба меня всё-таки разворачивало к проблемам земным, реальным. А нет ли их поближе, братьев по разуму и по духу? Разве не могут быть братские отношения между людьми?

Этот вопрос мне задала моя мама, когда однажды мы с ней возвращались с какой-то лекции о космических пришельцах. Она была учительница. В молодости закончила Гнесинское музыкальное училище. Слушала лекции в Государственном институте музыкальной культуры, где методику фортепианной игры читал Григорий Петрович Прокофьев, брат композитора. По окончании Гнесинки маму оставляли преподавать в училище. И учиться дальше по классу композиции. Она любила импровизировать, сочиняя музыкальные пьесы. И в 1920-х годах зарабатывала деньги как известный тапёр на сеансах немого кино, оживляя своей музыкой беззвучные ленты. Послереволюционная жизнь диктовала свою жёсткую программу. И мама поступила учиться в педагогический ин-

ститут, и закончив, преподавала географию в школе, а вечерами — музыку, ходила по домам, к ученикам... Чтoб не попасть фининспектору в лапы. Добрейший человек, она всегда бескорыстно помогала людям и не хотела верить, что наша судьба зависит от каких-то инопланетян...

И как будто отвечая на эти вопросы, мне были посланы книги отца Александра Меня, распространяемые в Самиздате: перепечатанные на машинке «Сын Человеческий» и первые тома его Истории религии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Это была не просто вероучительная литература. Это были исторические повести, я бы назвал их поэмами. По чистоте и богатству русского языка, по безбрежности смыслового контекста, эти книги, переведённые сегодня на десятки иностранных языков, являются русской классикой. Узнав, что автор их православный священник, не откладывая, поехал я в Пушкино, в Новую деревню, где в храме Сретенье Господне служил отец Александр Мень. Это был сентябрь 1975 года.

Опуская некоторые предпосылки на пути к Истине (романтическое мировосприятие, звёздное небо, чтение Библии), встреча с Менем стала началом моего обращения. Я попал в братскую, культурную, творческую среду. Регулярное общение со священником, исповеди, зачастую в виде доверительной беседы, книги, которыми из своей библиотеки отец Александр щедро делился. Делились и мы между собой зарубежными изданиями. А это была не только вероучительная литература, но и философская, и художественная, и историческая. С тех пор и до перестройки я восполнял своё образование исключительно литературой, приходившей из тамиздата.

Община в Новой деревне была для меня универсальной жизненной школой, о чём я попытался рассказать в книге об отце Александре «Ангел Чернорабочий».

Не оставляет мысль, что проживи он хотя бы ещё лет 10–15 (его убили в 1990), Россия была бы другая! Её развитие пошло бы по другому курсу. Не случайно же сказано: «много может усиленная молитва праведника» (Ик. 5:16). А беспримерная деятельность и сила молитвы отца Александра сказались не

только в судьбах многих людей, но и в состоянии русской православной Церкви, жизнетворные процессы которой сегодня, пока ещё едва заметны.

Не было дня, чтобы я не думал о двух людях: о маме, ушедшей в 2002 году, и о нём. Перечитываю, слушаю лекции, проповеди. Он предчувствовал, что грядущий век чреват угрозой международного терроризма. Он говорил, что «мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех “детей Адама”, терзающей его единое тело. Эта война не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни “мира”. Террор и ненависть не знают перемирий». Мир стремительно меняется. Меняется и культурный фон в мире. Он считал, что должен меняться и язык Церкви в отношениях с миром. В 1989 году ему довелось выступать на симпозиуме в итальянском городе Бергамо. «Уверяю вас, – сказал он, – без нового религиозного ренессанса человечество способно погибнуть за очень короткий срок, потому что, овладев огромными разрушительными силами, потеряв нравственную ориентацию, потеряв то, что действительно питало корни культуры, человек пойдёт по пути самоубийства... Или мы возвратимся к звериному состоянию, вооружённые техникой, или вернёмся к тому, что дано нам изначально, именно к образу и подобию Божию».

Г.К. Вы были знакомы с А. А. Тарковским. Он рекомендовал Вас в Союз писателей. В статье о нём, о его поэтике, Вы пишете о соприкосновении духовных и материальных начал.

А.З. Да, его поэзия как будто вещественно ощутима. Стиль соответствует личности – динамичной и целостной, как загадочная планета-океан из фильма Тарковского-младшего. Она сверхчувствительно реагирует на внешний мир, и зона контакта сплошь и рядом оказывается зоной конфликта. Но эта глубинная реакция вписывается в общее динамическое равновесие. Мелочи жизни гармонии не разрушают. Полярность ощущений заметна уже по словарю. УТарковского возвышенная лексика уживается с низовым обиходом. Человек – связующее звено в мироздании, мост, соединивший два космоса: мириады инфузорий и мириады звезд.

Кстати говоря, он увлекался астрономией. Татьяна Алексеевна, его супруга, шутя, рассказывала, что в их медовый месяц где-то на юге, ночами он пропадал возле дома, разглядывая и изучая созвездия.

Впервые я приехал к нему в Голицыно познакомиться с поэтом и с его телескопом. Знал, что на даче у них большой телескоп. Но, увы, телескоп понуро стоял в большой комнате не под раздвигающимся куполом, а под дощатым потолком.

Он мне подарил карту звёздного неба. Она по сей день висит у меня дома. В самый центр, в Полярную звёздочку, я прикрепил маленький крестик, распятие, как знак, соединяющий Небо и Землю.

Г.К. Не многим выпадает на жизненном пути такое количество встреч с незаурядными людьми. Уместно было бы перечислить здесь их имена. Это Лев Озеров, Лев Аннинский, Татьяна Бек, Владимир Леви, Зоя Масленникова, Александр Нежный, Лариса Миллер, Борис Крячко, Мариэтта Чудакова, Ольга Постникова... О всех в журнальном интервью, конечно, не скажешь, ну, хотя бы о некоторых.

А.З. С Аннинским были дружеские отношения с давних пор. Помню его биографию в самиздате, которая тогда не могла быть опубликована. Честная, документальная проза. Я ему, чуть ли не первому, принёс свою книгу стихотворений о Циолковском. На которую он откликнулся подробным письмом. В его книге о Лескове «Лесковское ожерелье» содержалось многое из того, что во мне только брезжило. Что я и попытался выразить в рецензии «Нить лесковского ожерелья».

Однажды, со своими дочками, он приезжал ко мне в деревню на Валдай. На известный источник за водичкой «от глаз». Мама страдала глаукомой.

В начале 1970-х к нему попала на рецензию рукопись Бориса Юлиановича Крячко «Битые собаки». Он оценил её по достоинству, но, как опытный литературный работник, предложил убрать остроконфликтные места, чтобы можно было опубликовать её в журнале «Дружба народов». Автор не согласился. Сейчас эта повесть и другие произведения вошли в

большой том «Избранного» Крячко (Издательство Геликон, Петербург, 2020).

С Борисом Крячко меня связывала многолетняя трепетная дружба. Как писатель при жизни он был мало известен. Вот что пишет о нём в предисловии к этому тому Дмитрий Быков: «Проза Бориса Крячко – самый нужный витамин после долгой изнуряющей зимы. Его языковое богатство и фонтанирующее словотворчество сравнимо разве что с лесковским, он великий мастер в передаче чужой речи, а собственный его голос органичен и узнаваем, настолько уверен и гибок, что мало кого из современников можно поставить рядом с ним».

Владимир Львович Леви – обладатель множества талантов: учёный, писатель, поэт, композитор... Его книги, учебники по психологии, им самим иллюстрированные, в одинаковой степени научные и художественные произведения. Мне кажется, они давно и широко популярны ещё и потому, что написаны художником.

Александр Нежный – оригинальный прозаик, мастер, потрясавший в перестроечные годы читающую Россию своей огненной публицистикой. А его роман «Там, где престол сатаны» многим открыл глаза не только на советскую церковь. Это сага о несчастной России, плач о её трагической судьбе, предупреждающий, что и впереди – темно. Идеологи разных мастей топтались тогда – в постсоветскую оттепель – в поисках Русской идеи, чтобы направить страну по верному пути в светлое будущее. А Нежный в своей документальной прозе будущее связывает с настоящим. Спешите делать добро – девиз доктора Гааза был и остаётся в фокусе мировоззрения художника. Его роман «NIMBUS» о святом докторе, да и вся его последующая проза обнажённо правдива к мерзостям жизни, которыми изобилует наша действительность. Мы с ним и В.М. Серебряковым в начале двухтысячных создали просветительское общество «Древо Добра». Нашу культурную программу по стране (также в колонии и тюрьмы) доносили профессиональные писатели, актёры, художники.

Поэзия Ольги Постниковой с давних пор мне близка и со-звучна. Впервые меня пленила её книга «Понтийская соль».

Мотивы Античности пронизывают всю её поэзию и прозу.

Но, действительно, о всех не расскажешь в краткой беседе. С каждым столько связано...

Г.К. Были у Вас перерывы в творчестве? Не в публикациях и изданиях, а именно в общении с Музой. Википедия указывает последним по хронологии Ваш сборник «Жертвоприношение Авраама», 1999 год...

А.З. Это неточность. После 1999 года у меня вышло три книги прозы и четыре сборника стихотворений. Последний «Март отзывчивый. Март безутешный». Что же касается Музы, то у меня с ней прихотливые отношения. Известно, «служенье муз не терпит суеты»...

Удрал из дому еле-еле –
побыть поэтом три недели...
Молчу, меж сосенок брожу.
Слова в тетрабочку пишу.
Давно не раскрывал тетради.
Весь год пылишь, как на эстраде.
Смесишь, хлопчешь, говоришь...
И тайный умысел таишь:
в июле, в сентябре, в апреле
удрать, хотя б на три недели...

Г.К. И вместе с тем, Вы в докладе об Эскрива утверждаете, что повседневность свята. Где же тут святость, если обстоятельства так безжалостно теснят поэта?

А.З. Если считать, что твоя жизнь под покровом Всевышнего, значит каждое её мгновение освящено. Эскрива говорит, что быть христианином не значит жить, как обыватель, и лишь в воскресенье на пару часов где-то возноситься духом. Быть христианином, значит быть им всегда, повседневно, в самых обычных ситуациях и вещах. Повседневность значима и как-то отражается в творчестве.

Г.К. Вы говорите: «Христос пришёл к апостолам не в “сон золотой”, а застал их за работой. Их начальная школа – руч-

ной труд. Христос тоже владел ремеслом. Плотскость миро-восприятия. Познавать мир наощупь». Вам ведь тоже ручной труд знаком.

А.З. Да, апостолы были простыми людьми. Откровение Божие доступно и на этом уровне. Потом при общении с Ним сознание их развивалось, и они могли выразить, казалось бы, невыразимое. Поэт тоже, чуть ли не физически, ищет невыразимое. Перелопачивает, как Маяковский «тысячи тонн словесной руды». По себе скажу: ощущая, лепишь слово руками... Жест – вспомогательный способ выражения речи. Замечали, как поэты читают с эстрады? Есенин весьма выразительно помогал себе правой рукой – вот-вот взлетит.

В нашем храме служил священник Георгий Чистяков – уникальный филолог, знаток древних литератур. Его проповедь, насыщенная богатейшим содержанием, воспринималась ещё и как сценическое действо. Жест входил в её арсенал. Значение Евангельской истины он лепил у нас на глазах.

Поэт чувствует материал, осознаёт его наощупь в те счастливые мгновения, когда сопряжен земной и духовной сущностям. Это не значит, что он должен вкалывать за токарным станком, «познавая жизнь». Меня, например, не приняли с первого раза в Литературный институт: не хватало производственного стажа. Книга стихотворений Арсения Тарковского, не владевшего ни сверлом, ни лопатой, называлась «Земле – Земное». Материальный мир, пронизанный неведомой энергией, парит, каким бы весом и массой ни обладал.

Г.К. Художник, как, может быть, никто сомневается в полезности своего труда, своего творчества, как никто бывает одинок и никем не услышан. Вы переживали подобное?

А.З. Разумеется. И всё-таки «Смысл творчества самоотдача, а не шумиха, не успех» (Пастернак). Опасно сравнивать себя с другими. Манделъштам предупреждал: «Не сравнивай, живущий не сравним». Одиночество преходящее состояние для мыслящего человека, если он находит поддержку Свыше.

Г.К. Несколько лет Вы при храме Космы и Дамиана занимались сбором книг и распространяли их по тюрьмам и

сельским библиотекам. Какую пользу это принесло Вам, как поэту?

А.З. Отрадно было знать, что кому-то это приносит пользу. Общество «Древо Добра» за три года распространило более 300 000 книг. Была среди них и религиозная литература, книги отца Александра Меня. Завязывались знакомства, переписка. С некоторыми бывшими сидельцами я переписываюсь до сих пор. А один из них, Алексей Гиршович, стал профессиональным писателем. Он издаётся в Израиле.

Г.К. Подборки Ваших стихотворений печатались в журналах «Дружба народов», «Москва» «Юность» «Континент», «Новый мир», «Огонёк», «Знамя». Публикацию в каком из этих достойных изданий Вы могли бы назвать значимой, поворотной?

А.З. При советской власти я печатался крайне мало. А в конце 1980-х, когда цензура ослабла, посыпались публикации. Каждая из них была подарком. Одну, пожалуй, запомнил особенно. «Новый мир», 1989 год, № 7 открывался моей большой подборкой стихотворений, а следом шёл «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Первая часть. Что говорить, почётное соседство.

Г.К. Что Вы цените в поэтическом произведении?

А.З. Правду и красоту.

Г.К. Стихотворение, как письмо. Кому оно адресовано, конкретному человеку, человечеству, себе? Для кого Вы пишете?

А.З. Пишу, потому что не могу не писать. Думаю, что на необитаемом острове, не имея ни интернета, ни WhatsApp, всё равно бы писал.

* * *

Где ты живёшь, вы спросите, – в гостях...
Уже почти два года обитаю
В гостях... И ни на миг не забываю
Об этом... В интернетных новостях
Ещё живу... Или точнее, витаю.

В гостеприимной деловой стране
Всё неприкаянно, всё чуждо мне.
Опрятный парк, просторная квартира.
И только ночью в дивной тишине
Окликнут в незашторенном окне
Созвездия родные – Лебедь, Лира,
Возничий, Андромеда...
Позовёт
Из дома на свидание, наверно,
На Западе, блистая в свой черёд,
Встающая из пены звёзд Венера.

Она сияет и в моих краях,
О коих ни на миг не забываю.
Где, как всегда в почёте гниль и прах,
Где почивает вековечный страх...

Сегодня, обихоженный, в гостях
Живу...
А завтра будет что, не знаю.

* * *

Тоскую по дому оставленному... Не по стране,
По родине так называемой, утопшей в дерьме
Бездны властолюбивой, в извечной пучине.
Тоскую по лицам родным.
По Космодемьянской общине.

По книгам доступным – на полке всегда под рукой.
Мой письменный стол, одаривший счастливой
строкой,
Когда доводилось над ним склоняться часами...
Неужто же сгнуло всё безутешно, с концами?..

Мой дом – моя крепость. Увы, афоризм не из тех,
При нашей погоде. И крепость, как грецкий орех
Раздавлена глухо. Без лишнего шума и грома.
И нет у меня на земле защищённого дома.

Нигде – ни в стенах городских, ни в дремучих лесах.
Но, может быть,
Может быть – на небесах

РУССКИЙ ЛЕС

Пепельный свет от Луны мертворождённый.
Гукает филин с полуночи, как заведённый.

Скорбно и глухо – старательный сторож в округе.
Таинственные непостижимые звуки.

Уж не с того ли непостижимого света...
В Вологодских лесах на исходе короткого лета.

В Вологодских, Калужских, Заволжских – где звери
в берлоге
По лисьему зову сошлись и друг друга сожрали в итоге.

Или же сучья топыря и к небу вздымая,
Будто придвинулась сила несметная полчищ Мамая.

Вражина-чащоба поблизости ли, в отдаленье,
Душам, блуждающим в ней, не сулит примиренья.

В дебрях унылых мстительный мрак неизбывен.
Или о мире потерянном гукает филин...

* * *

Три лилии в гранёном хрустале
Красуются на письменном столе.
Взирают стреловидным очами
На долгий мир, погрязнувший во зле,
Каким он не был в вечности, в начале.

Три лилии на письменном столе
О нежности, о ласковом тепле
Поведают дремучими ночами.

Из Песни песней воплощённый звук,
Который никогда не увядает.
А между тем, благоразумный друг
Меня участливо увещевает.

В отечестве родном будь нем и глух.
Замри. Себя почувствуешь свободней.
О, безотрадный раболепный дух...
Нет! Прозревает зрение, и слух
Острее стал в родимой преисподней.

Среди глухих отеческих руин
Не всё вчистую пожрано драконом.
Хотя бы здесь, в моём жилище скромном
Благоухает лилия долин,
Взлелеянная славным Соломоном.

СОСНА

Затворнику не одиноко.
И звёздной ночью не до сна.
Когда поблизости сосна
Высокоствольна, темноока,
К нему заглядывает в окно.
Он с нею обручён давно,
Хоть видится не каждый год.

Быльём не заросла дорога,
Сюда которая ведёт.
И никогда не зарастёт,
Где путеводные надмирны
Светильники...
Где к небу льнёт
Её вершина — достаёт
Созвездий Лебеда и Лиры.

* * *

Видно, я в своей судьбе
Ничего уж не решаю.
В гости к самому себе
На побывку приезжаю.

В помутнённый столичный град,
Как в Бермудский треугольник.
Рад тому или не рад,
Усомнившийся стократ,
Добросовестный невольник.

Тщусь, разодран пополам,
Не растравливать изъяна.
Нет, конечно, рад друзьям
Из «Космы и Дамиана».

Милые мои, – шалом!..
Вот и мой притихший дом.
Загляну и вновь покину.
Отданный жильцам внаём,
Он уже наполовину
Мой...

К невидимой стене
Кажется, впритык придвинут.
Ну, а там, за ней, вовне
Все разминовенья минут.

Нет, с поспешностью наивной
В стороне гостеприимной
Оправданий не ищу...
Чистым воздухом дышу
На свободе, на чужбине.
Крылышками дребезжу,
Словно муха в паутине.

* * *

Я эмигрант преклонных лет
Учусь стоять пред светофором,
Как вкопанный. С невинным взглядом
И не бежать на красный свет.

И вообще бы не бежать
Уж никуда. Опережать
Себя во всём... До иступленья
Воля: остановись, мгновенье!

Расслабиться, передохнуть,
Подумать, не меняя позы.
Здесь не перекрывают путь
Правительственные членовозы.

Что ж, европейцем становлюсь.
Владеть собою виртуозно
У светофоров поучусь.
Учиться никогда не поздно.

* * *

Дереvence. Саженец, метров пять уже вымахал.
Обставлен опрятной оградой –
Три крепыша, три столбика вкопаны в землю
И скреплены полешками у середины ствола,
Где повязаны с ним толстой пеньковой верёвкой.
Известью выбелен ствол. Шейка у корня
Решетчатым пластиком защищена.
Чтобы шустрые кролики её не погрызли.
В тихих дворах городских они обитают, а также
ёжики, белки.
Надёжно выравнен ствол, нацеленный в небо.
Чудное сходство с юношей, мимо идущим, высоким.

Бережливый щедро-расчётливый Deutschland
Внимателен к каждому деревцу, как к человеку.

* * *

Тает свечечка,
Которую я поставил
Перед иконой Божьей Матери
О здравии тяжело-болящего друга.
Тает, тает...
И, наверное, не дотянет до конца литургии.
Сердобольная служка подступает
Вытянуть её из подсвечника
И бросить в жестяную коробку
К таким же, наполовину недогоревшим.
Они пойдут в переплав,
Чтобы сэкономить малую денежку приходу.
Подождите, говорю я женщине,
Пусть ещё потеплится,
Пусть ещё постоит...

* * *

Вот Лебедь, Андромеда, Орион,
Вот Волопас... Все в сборе. Все на месте.
В ночное небо я давно влюблён.
А всё ищу хоть малое созвездье,
Которого не знаю... Страж ночной
Уснувших улиц и полей окрестных,
Как будто дом отыскиваю свой...
Как будто там он, в запредельных безднах...

* * *

Прощай, Изабелин*...
Ты, как всегда оставишь
Светлейший след среди родных руин.
Ты самый давний из моих пристанищ.
Прощай, Изабелин.

Струится блеск сентябрьской лазури
Сквозь лиственный редеющий покров.
Взбежав на холм, красуются косули,
Нисколько не боятся грибников.

Багровый вьюн свою выводит строчку
Ввысь по сосне...
До сумерек брожу
В сухом бору... Не страшно в нём и ночью,
Чего о подмосковном не скажу.

А вспомнить... Не однажды братской плетью
Сей край непокорённый был клеймён.
Повстанцам позапрошлого столетья
Воздвигнут крест, преданьем окрылён.

Но с братьями час от часу не легче.
Они и нынче постращать не прочь.
Укрытые от непогоды свечи,
В подножие креста горят всю ночь.

Задумчивые сосны вековые...
И дуб, их современник, исполин.
И женский монастырь «Семья Марии»,
Поэта приютивший не впервые...
Прощай, Изабелин...

*Изабелин – местечко в лесах под Варшавой.

* * *

Здесь было еврейское кладбище, которого нет сегодня.
Затерянное под землёю семья Господне.

Выкорчевали надгробные камни то ли немцы, то
ли аборигены,
Каждодневными нуждами обременены.

Чего там эти булыжины торчат бесполезно!
Всему своё время под солнцем, всему своё место.

Над распростёртой Вислой, вокруг синагоги,
Теснились опрятные домики, не чертоги.

Чередовались похороны, свадьбы, благословляемые
раввином.
Жених с невестой стояли под балдахином.

И аукались имена, прижившиеся от века:
Моисей, Арон, Рахиль, Милка, Ревекка...

Где-то на этом пригорке было... Ощупываю ногою
Кочки, опутанные, как колтуном, железной травой.

Густой непролазный ольшаник, подлесок высокий
Высосали корнями беспризорные соки.

Где вы, в этих краях благодатных, почившие человеки—
Моисеи, Давиды, Ароны, Рахили, Ревекки?..

* * *

Во мху, мягком и нежном, как лебяжий пух,
Покоится ствол упавшей берёзы.
Белые ветки – руки, раскинутые по сторонам.
И волосы – тоже белые
Разбросаны в изголовье.
Кора разодралась на груди
И обнажила трухлявое чёрное нутро,
Обречённое подпитывать пушистый мшаник.
Когда я прохожу мимо по тропинке
Стараюсь на неё не смотреть.
Истлевшее тело
Похожее на человеческие останки.

Общая участь у нас на земле –
У дерева и человека.

* * *

Напрасно я, кажется, вышел
На звёзды взглянуть... Облака
Сплошные... Вдруг, голос услышал
Окликнувший издалека...
Твой голос...

Душевную смуту
Он чуть приутишил извне.
Наверное, в эту минуту
Подумала ты обо мне.

И стало на миг просветлённо
На небе, где не было звёзд.
Так значит мы дышим синхронно
И думаем...
Отдалённо
Разъяты на тысячи вёрст.

ПИСЬМО

Да никакой я не герой.
И одиночество порой
Подступит пострашнее ката.
Бывает, ох, тоскливовато.

Опять я с миром не в ладу.
Опять на месяц пропаду.
Тебе, жена моя родная,
С игривой музой изменяю.

А нам уже немало лет.
И глядь, как говорил поэт,
Умрём...
Зачем же раньше срока
Нам разлучаться так жестоко.

Попробуем, легко сказать,
А вдруг получится, кто знает,
К нам эту музу прописать.
Жилплощадь, вроде, позволяет.

Попробуем... Но не ручаюсь...
Тогда хоть завтра возвращаюсь.
Вдруг плодотворно заживём
В счастливом браке, но – втроём.

* * *

Жрецы, хулители, друзья!
Ваш суд мне правды не заменит.
Никто взыскательней, чем я
Мой труд свободный не оценит,

Который мне — и здесь вы правы —
Ни денег не принёс, ни славы.

Об чём не очень-то скорблю.
Я и без них его люблю.
И на другой не променяю,
Будь хоть к позору пригвождён.
А нужен ли кому-то он,
Сказать по совести, не знаю.

* * *

Все сроки кончились! — Будила в школу мама
Его, забившегося под одеяло,
Досматривающего бесконечный сон,
Где сказочный покой соотнесён
С блаженством вечности... Которая дремала
До времени...
Но — сбросить одеяло!
Все сроки кончились...

Ну вот и всё. Как отдалённый миг
Жизнь промелькнула. Он уже старик.

Что вечность для него? Что он постиг
В преддверии её, в заветном слове?
Кроме того, что шепчет голос крови —
Все сроки кончились...

МОНАСТЫРЬ ПОД ВАРШАВОЙ

Обитель в лесу.... Как у Бога
За пазухой. Чисто и строго.
Целителен для меня
Порядок. Откуда ж тревога,
Вдруг, хлынет среди ясного дня.

Средь благости сумрак суровый.
Невидимый знак тупиковый
Предчувствую, не узнаю....
Как будто в преддверии новой
Неведомой жизни стою.

* * *

Раньше он прислушивался к миру,
Различал едва уловимые звуки, запахи, краски.
Врождённое чутьё и воображение
Открывали перед ним
Пulsирующую Вселенную.

А теперь невольно прислушивается к себе.
Внезапная пустота в грудной клетке
Темнее кратера потухшего вулкана.
А кровь, ударяющая в голову,
Заглушает раскаты майского грома.
Проснётся ночью
И слышит сквозь соловьиные трели
Как Вселенная
Скручивается в воронку.

* * *

Нечего прятаться... Из-за угла
Робко на солнце поглядывая.
В старости хочется больше тепла.
Ей своего не хватает. Пришла,
Сразу печали и радуя.

Хочется больше вниманья к себе...
Заботы, которая действенна...
Быть защищённым хотя бы в семье.
Это естественно.

Но, оставаясь в тенётах судьбы,
В путях исхода летального,
Лыка не вяжет — абы, да кабы —
Только и радости, что от трубы
Теплоснабженья центрального.

Ну а в итоге: чем был, тем и стал.
Укореняя традицию.
Тот, кто без меры себя отдавал,
Тот и получит сторицею.

СОВЕТЫ ГОЛОДАЮЩИМ ИЛИ ДИДАКТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОЧИСТИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

«Тела ваши суть храм св. Духа»

1 Кор. 6.19

Если тело – храм Духа Святого,
Сокровенно живущего в нас,
Значит способа нету иного:
Будем чиститься снова и снова,
До победного и про запас.

Пестицидами травленой пищи
В мире нынешнем не избежать.
Но однако же, способов тыщи,
Чтобы что?.. Что в итоге стяжать?..

Лет до ста дотянуть? На экране
Красоваться?.. Но ради чего?..
Дух Святой воцарился ли в храме,
Иль хотя бы коснулся его?

Если ж нет, врачеванью послушны,
Явной грязи счищая пуды,
Мы останемся, прекраснодушны,
В глубине сокровенной пусты.

Что душа беспокойная страдает?..
И томится она по чему?
Из провидцев сторонних не скажет

Ей никто,
Погружённой во тьму.

Копошась сообща, в одиночку,
Но не храм, не его закрома,
будем чистить, а попросту бочку.
Да, болезные, бочку дерма.

* * *

Землю колеблют не только тектонические сотрясения,
Но и войны – мировые, локальные.
Точечный взрыв – семейный развал и распад.
Семья ячейка общества –
Твердили классики марксизма-ленинизма,
Успешно при этом её изничтожая.
Семья – атом Вселенной.
Атомный взрыв в семье
Отдаётся в глубинах мироздания.
Особенно, когда распадается брак,
Благословенный Господом.
Духовное пространство едино.

Бог создал семью, чтобы мироздание уцелело.
Но что нам – до замыслов Бога...

* * *

Бомба попала в дом.
В самое сердце, в семью.
Перевернула вверх дном
всё, что покоилось в нём...
Срезало на корню
доверчивость дочерей –
малюток, вскормленных лаской
в защитной скорлупке своей...
Теперь они будут с опаской
озираться в толпе людей.
Да и взрослых, бывших родных,
далеко разметало.
В сердцах искалеченных их
застряли осколки металла.
Кто из них виноват
больше? – на разный лад
допытываются дотошно.
Но – изначален ад
естественный, где распад
свирепствует безнадежно.

ОБИДА

Родные или бывшие друзья
Сцепились: сыпануть песком в глаза,
И в сердце близкое вломить булыжник.
Неузнаваемы родные голоса,
Далёкие роднее ближних.

Вчера ещё был обустроен дом
Хранимый, вроде бы, почтенным мужем.
А нынче гарь прогорклая кругом.
И никому никто не нужен.

Неправда, нужен и тебе, и мне.
В бессудной, затянувшейся войне
Уже и нервы не спасут стальные.
Но мы, зачатые в больной стране,
Хоть и по-разному, мы все — больные.

Приди на помощь, Господи! Так жить
Н е в ы н о с и м о... Сослепу душить
Обидой не прощаемой друг друга.
Дай бедолагам осознать, избыть
Ползучий вирус общего недуга.

* * *

Последними словами поминая
Беспомощность свою — за всё зачтётся...
Как тяжело видеть, что душа родная
Поблизости тебя о камни бьётся.

И ты уже ничем, кроме молитвы
Помочь не можешь... За глухим забором
Недосягаемое поле битвы
Заваленное сплошь житейским вздором.

Его бы прополоть в работе тяжкой,
Бок о бок, по-хозяйски, сблизив руки.
И поле битвы зарастёт ромашкой,
И в васильках утопнут каменюги.

Душе не подчинившейся недугу
Возможно на пределе удержаться...
Превозмогая гибельную муку,
Парить и возноситься, и снижаться.

Тогда бы... с каждым вздохом, уповая
На помощь свыше, на благую милость,
Душа неутомимая, живая,
В цветущие объятия приземлилась.

БОЛОГОЕ

На путях, по обеим сторонам платформы
стоят два встречных поезда.

В сияющем купе красивая жизнь:

Шампанское, роза в бокале, дама откидывает волосы
со лба.

В купе напротив приглашенный свет.

У окна господин, как ей показалось, похожий на
Вронского.

Взгляды их встретились.

Её спутник, расточающий пошлые комплементы и
дорогое угощение,
давно ей надоел.

Хорошо бы оказаться там, в полутёмном купе и
уехать куда угодно,

Хоть в противоположном направлении...

Она и он, похожий на Вронского, вышли на платформу...

**Из семейной хроники старшего, недавно
почившего, друга**

1

Будто лягушку сунули за воротник.
Он содрогнулся. В лицо ему брошенный крик –
– Ты абсолютный банкрот! Ты ничего не достиг! –
В общем-то был справедлив и правдоподобен.
Час его пробил.

От неминуемой правды не спрячешь лица.
Он и не прячет, постыдно в неё погружённый.
Чувствуя в этом признании близость конца
Жизни земной – непроявленной, незавершённой.

2

Я чувствую, я вам враждебен.
Позор на голову мою.
Ну, что ж... закажите молебен
по мне, а лучше литию.

Я, правда, крепко занедужил.
Но никого я не кляню.
Я сам себе давно не нужен.
У самого себя в плену.

Оправдываться не сторонник...
И я согласен, может быть,
Ваш родственник тяжёлый хроник
И с ним невыносимо жить.

* * *

Сквозь ветви в синеве раскосой –
Краса и нега... В лес войти...
От осени златоволосой
Горячих глаз не отвести.

Она же, взоры простирая
К непостижимой высоте,
Как грешница полунагая
УТициана на холсте.

Природа не грешна, не свята.
Плотским желанием объята,
Телесной влагой налита.
Пьянит в расщелине куста
Томительная прохлада,
Пленительная полнота.

Плод осязаемый – плотный воздух
Доступен, руку протянуть.
В кружащихся одеждах пёстрых
Томится пышущая грудь.

Оставь душевную хворобу,
Дня принудительную злобу –
Пусть их растащит вороньё.
Летам своим не ведать счёту...
Войти в отрадную чашобу,
В трепещущую – войти в неё...

ЗЕМЛЕ ЗЕМНОЕ

Пусть это будет моё последнее слово

Пред неизбежным и может быть близким концом.

Похороните меня рядом с мамой, на Востряково.

Рядом с отцом.

Долг мой давнишний земле наконец-то отдайте.

Как говорится, хватит с тебя, погостил.

Только, родные, останки мои не сжигайте.

Тот, что лежит перед вами, об этом просил.

САУЛ И ДАВИД

Царь, опершись на копьё, слушал Давида.
Юноша белокурый струны псалтири перебирал.
Внятные звуки бывают понятнее слов.
Царь слова и не слушал.
Чистым трепещущим звуком он был уязвлён.
Мрак окутал царя.
Взревновало косматое сердце
Укротителя филистимлян.
Царь и Поэт друг против друга.
Дрогнуло нервно копьё в руках исполина
И в стену глухо вонзилось.
Увернулся Давид.

Что ты, ревнивый властитель,
Сладкопевца боишься!
Гармония не претендует на власть,
Когда в ней рождается свет,
Восходящий к иному престолу.
Но подозрителен царь и завистлив
Во все времена.

Царская власть и Поэт
Всегда друг против друга.

ВИРСАВИЯ

Замер восторженный царь, к неожиданной гостье
взглядом прикован. Перси её — виноградные грозди,
шея — пальмы изгиб... Шаг молодой кобылицы,
нежный жаркий живот — ворох пшеницы.
Нард благовонный лоно её омывает.
О, как прекрасна она и стройна, стройней не бывает.
Не уберечь виноградника ей... Тщетных усилий
стоит ли сад?.. От того, кто пасёт между лилий,
не уберечь... Солнце с плеч купальщицы льётся.
«Кто она? Чья?» — спросит Давид царедворца.
«Рабыня твоя, господин, супруга лучника- хетта...»
О сладострастное, хищное сердце поэта,
рядом с которым временно меркнут скрижали!
Вечно тебя чародейные узы держали.
Чистому ритму, голому цвету — магу мгновенья —
идоложертвенное поклоненье до самозабвенья.
Кем бы ни был песнопевец — царём или вором, —
к тайне пленительной, будто к Вирсавии, скорбно
прикован.

АВЕССАЛОМ СЫН ДАВИДА

Бунтует кровь. Сын на отца восстал.
Сын славы возжелал отцовской.
Вошёл в его гарем. Возглавил город
Авессалом – красавец пышнокудрый.
Которого при этом незабвенно
Любил Давид. И воинам своим,
Отца от сына защищавшим,
Наказывал: чтоб ни случилось,
Оставьте мне живым
Несчастливого Авессалома.

Но – поднявший руку на отца, погиб...
Запутался кудрявыми власами в лесу,
Повис на ветках дуба.
Три стрелы
Избранника поцеловали.

Бунтующая, намертво роднит
Кровь и сегодня. Грозно оттесняя
Родство Святого Духа.
За детей,
Тобой рождённых, что бы ни случилось,
Жизнь положить...

О, сын мой, сын мой, сын Авессалом!
Зачем же я вместо тебя не умер! –
Рыдал Давид –
О, сын Авессалом...

* * *

На финишной прямой попутный ветер гонит
Опавший лист. Подлесок долу клонит.

В окостенелых колготится сучьях,
Злорадствует о сроках неминучих.

Толкает в спину хмурый погоняла,
Чтобы душа во мраке не дремала.

Взирая на закат на гаснущий, на близкий,
Который для тебя не факел Олимпийский.

Несётся время... Несопоставимо
С часами на стене... Несётся мимо...

На финишной прямой – ритм на пределе.
Одна бесследно за другой
Летят недели.

О, только б не забыть под сумеречным покровом
Что финиш это – старт!
Да, старт – в рождение новом.

СОРОКОВИНЫ

Брату Вадиму

На день сороковой, когда, покинув тело
Душа, как говорят, уж за предел земной
Нацелилась, вдруг – знак прощальный твой –
В открытое окно к нам бабочка влетела.
На чёрных крылышках её Павлиний глаз
Мигает, красоты таинственной на страже.
А я в просторной комнате как раз
Развешивал твои пейзажи.

Бесснежная, прозрачная зима
Или весна... Ещё себя не знает
И медлит... Неизбывна полутьма...
Над озером смеркается, светает?..

Непостижимо... Больно мне смотреть...
Как объяснить без авторской подсказки?..
Теперь уж поздно... Навалилась смерть.
Всё перепутав – замыслы и краски.

Ты в отдалённом мареве исчез.
Ступил однажды за порог и не вернулся.
Ничто – ни берег озера, ни лес,
Ни чуткий свод небес не содрогнулся.

Осталось на мольберте полотно,
Чуть начатый портрет, чей – неизвестно...

Мелькнула жизнь — загадочная бездна,
Которую, нащупывая дно,
Как зачарованный, писал ты честно...
Мелькнула жизнь... Как бабочка в окно
Влетевшая, взглянула и — исчезла.

* * *

Совдепией родной изрядно покорёжен,
Я памяти своей услужливой не рад,
Толкающей туда, в знакомый зоосад:
Измены ворошить, грустить, купаться в прошлом...
У роковой черты оглядываться назад,
Как будто бы уже и век мой подытожен.

Конечно же не всё вокруг там было дико.
И там жила любовь... Под парусами брига
Рвалась и путалась, пытаясь к солнцу взмыть...

Нет, нет, я не берусь прошедшее клеймить.
Оно и по самой природе разнолико.
Но то, что впереди – надёжно и велико.
Дай Бог, чтобы черту легко переступить.

РОВЕСНИКУ

Отойди, старина, в сторонку.
Не тушуйся, не мельтеши.
На свою законную шконку
Сядь. И лысину причеши.

И не слушай базарные речи
Приблатнённых верховных владык.
Нам, пожалуй, нисколько не легче
Оттого, что им скоро кирдык.

Доживём ли до светлого часа
Высвободившейся из удавки страны?
Неизвестно... Но век наш промчался
Под нахрапом такой же шпаны...

И сегодня, стращая закатом,
Оставляет он след на песке,
Что невнятно во мне отпечатан —
В тяжкой памяти и в языке.

Мы с тобой, как две капли, похожи.
По ночам, отвернувшись к стене,
На своём усмирительном ложе
Ты, а я — на своём топчане.

Кой-чему всё же нас научила,
Чтоб не сгинуть, совсем не пропасть,
Пожирающая пучина,
Завсегда ненасытная пасть.

По живому разбойнички режут,
Замышляя под грохот и скрежет
Узаконить порядок крутой.
Но и здесь, под железной пятой,
Вдруг небесной блеснёт чистотой,
Вдруг за крайним пределом забрезжит
Неземная надежда...

* * *

Чуть живому дыханию внемлю
Возле губ – ощутимо едва.
Луговая пожухла трава.
Снег ложится на мокрую землю.
А она – ни жива, ни мертва.

Изнурённое выдохлось тело
В лапах неумолимой судьбы.
Рядом замерли окаменело,
Сбросив шумные шубы дубы.

Хладный прах – под кабаньи копыта.
Прошлое бесприютно, безбытно
Тускло светится по ночам.
В отходящем дыханье сокрыто
просветленье – начало начал.

Вот и мне предстоят перемены...
Покидаю – накрыла беда –
Обжитые домашние стены.
Сам потерянный, как никогда.

Или что-то в дороге случится...
Или что-то обрушится здесь...
И не знаю, как с ними проститься:
Насовсем ли, надолго?..
Бог весть...

* * *

Ох, не люблю магазины и рынки...
Времени жалко. Минут дорогих.
Столпотворение, как на Ходынке.
Что говорить, невозможно без них.

Одолевая воскресную давку, —
Вина, посуда, грейпфруты, трико,
Кофе, икра... — пробираюсь к прилавку,
Где посвободнее: хлеб, молоко.

Стала реклама искусством. На стены
Лучше не пялиться. Шею сверну.
Глянешь пониже — кошмарные цены!
Кто её, смачную, жрёт ветчину...

Обворожительных и престижных
даже побаиваюсь, честно скажу.
Кроме одних, разумеется, книжных.
Нынче и в книжные не захожу.

Редко. Излишество обременено.
Впрочем, имея отрадную весть,
В руки сама попадёт непременно
Книга, которую надо прочесть

* * *

Сон приснился: звонок
в дверь – вам телеграмма.
«Жду тебя, жду, сынок.
Мама»

Это она, она...
Вне времени отдалена...
Обрадовала, отпугнула...
В окно дальновидного сна
Заглянула.

Близости не передать,
Которая всё превозможет.
Кто кроме матери ждать
Дольше и преданней может...

Неколебима в душе
Верность сыновнего долга.
Милая, ждать-то уже
Не долго.

ЮБИЛЕЙ

1

Нужна железная закалка
И чувство юмора притом...
Когда на плечи рухнет балка,
Считай: восьмидесяти тонн.
Весьма чувствительная масса
Свалившаяся с потолка...
Тебя прихватит за бока
Мощней, чем крылышки Пегаса,
И унесёт за облака.

2

Мне восемьдесят лет!
Не может быть... Всё может.
Всё может быть, оповестил поэт.
Покуда на лопатки не положит
Проклятая... И ты на склоне лет
Мужайся, оседлав велосипед.
Почтенный возраст твой тебя корёжит
Ещё не очень... Моложавый дед.

Да, не из тех, кто в облаках витает.
К российским мерзостям не глух и нем.
Отрадную печаль кому повем...
Врождённый ужас тайно отступает
Пред – кажущемся небытием.

Звереет власть, слетевшая с катушек.
ПальцАми змеевидными её
Враг человеческий вот-вот задушит
Отечество моё.

Однако, сей душитель не всесилен.
Напоминает каждый год о том
Своей молитвой преподобный Сирин,
Чуть обновлённой Пушкинским стихом.

Пришла пора довериться надежде,
С которой как-то не общался прежде,
По молодости было недосуг,
Зато теперь не размыкаем рук.

Всё может быть... Закатные часы
В отечестве своём, в родной канаве
Отслеживая – представляю въяве
Край бездны – краем взлётной полосы.

* * *

Над костром клубится дым,
Сияясь взмыть вверх.
Был я самым молодым.
Стал старее всех.

Если вглядываться в даль,
Отстранив зенит,
Неизбывная печаль
Взгляд изледенит.

Но причудливая вязь
Отошедших лет,
Не исчезла, облачась
В потаённый свет.

Замурованный в стене,
В путанице оград,
Зыблется на глубине
Неразменный клад.

Сверстницы мои, друзья,
Явленные на миг,
Как из инобытия
Обобщённый лик.

* * *

Молодости не завидую.
Над пробуждением ночным
Восходит она Афродитою
Блещущей, сном золотым.
Ею ничуть не обиженный,
К часу закатному ближе, и
Нынче не меньше богат.
Ибо красою возвышенной
Равны восход и закат.

* * *

Я солнце не люблю в зените,
Его пылающей красы.
Все краски выпиты. Часы
Песочные переверните.

День кончился наполовину
И сразу же потёк в рутину.

Под тенью не найти спасенья.
И сам ты отдан на съеденье
Гостям, купальщикам орущим,
Обеду, радиоведущим,
И прочим стоящим вещам.
И, кажется, что день упущен,
Который столько! обещал.

* * *

Я никогда не носил костюмов.
Во-первых, фигура не соответствует.
Её квадратоподобие пиджак увеличит в кубе.
А во-вторых, — не по карману.
Свитер и джинсы моя обычная, да и парадная, одежда.
А тут — свадьба. Дочь выходит замуж.
В свитере — неприлично.
Скрепя сердце — смирился.

Пришли с женой в магазин.
«Классика! Классика!» — показывают продавцы
На блистающую строгостью добротную продукцию.
Мы выбрали подешевле.
Облачился я в парадный костюм.
Смотрю на себя в зеркало и... думаю —
Этот уж точно до конца жизни,
До того самого момента, ну вы понимаете...

Нобелевским лауреатом я не стану.
Фрак заказывать не придётся.
Да и не провожают во фраке в вечные обители.

Неприятные, скажете, мысли накануне свадьбы.
А чего стыдиться!
Совершение панихиды не менее торжественно,
Чем таинство брака.

Так что свадебный костюм
Может мне ещё пригодиться.

2012

* * *

А приглядеться попристальней, издали,
За расстоянием прожитых лет,
Молодость – это далёкие пристани,
И уж, конечно, не Тихие, нет.

Пристани, где неотступны видения,
Смутно покачивающиеся на волнах...
Раньше слетались на дни рождения,
Сходимся нынче на похоронах.

* * *

Как полюбить Господа, не видя Его?
Сосновый бор, пронизанный лучами Солнца.
Крутые облака над безмятежной морской гладью.
Мама, её нескончаемая доброта,
Явленная оттуда и после смерти.
Танюша, дети, внуки,
Рождённые под Его покровом.
Отец Александр Мень...
Всё это знаки
Божественного присутствия.

* * *

Суэта разрывает на части.
Чем ничтожней они, тем больней.
Я в Твоей охранительной власти,
Боже милостив... Но и в своей

Заточён до последнего вдоха,
Окаянных сомнений вкусив.
Потому, озираясь, подвоха
Ожидаю отвсюду, как псих.

Шутки шутками, а не до смеху...
Может быть, чтобы цели достичь,
Вдруг, поблизости падает сверху
Подозрительный очень кирпич.

Если вечно в обозе плетёшься.
В пункте «А», если до пункта «Б»
Не уверенный, что доберёшься,
Преуспевший в спортивной ходьбе.

Это мелочи жизни – плешивый
Из советских времён агитпроп –
Словно сонмы укусов блошиных
Низведут маловерного в гроб.

Я воитель не раз уже битый,
Снова тычусь меж грозных теней
Под Твоей неотступной защитой
И позорно-невнятной своей.

* * *

Не встретились. Прочь улетели
Стихи. И видать не спроста.
И вот уже больше недели
Я мыкаюсь, как не при деле.
Тетрадь же позорно пуста.

Я в городе, в сутолоке нервной,
Наверное, одичал.
Когда в суете каждодневной
Их оклика не замечал.

За это и воздаётся
Отмщеньем. Поруган союз.
Читаю, не баловень муз,
Что под руку подвернётся.
С Евангелием не расстаюсь.

Пытаюсь позорные страхи
Унять. Но стихи – надо мной –
Не благочестивые птахи.
И нрав у стихии иной.

Не то, чтобы ей подчиниться...
И всё же возможно вполне
Стихии с гармонией слиться
Воистину – на глубине.

Дорожка в Семхозе, на которой был убит отец Александр Мень

Школьники в школу спешат.
Трудящиеся – к электричке.
Скалываю лёд возле батушкиной божнички.

Пятнышко на брусчатке невидимое
ударяет, как шилом,
Возле дорожки, той самой, по которой ходил он.

Дорожка завалена снегом, затоптана...
Но кровь всё равно проступает.
Ни дождь, ни слёзы, ни время –
ничто её не смывает.

Деревья осунулись, впавшие в зимнюю спячку.
Пенсионер прогуливает собачку.

По скользкой дорожке
ступает походкой нетвёрдой.
Собачка учуяла кровь, в сугробы тычется мордой

И тащит по следу хозяина... Хвостиком крутит...
Что-то ещё с этим краем нечистый замутит...
Что-то здесь будет...

То ли провальная плешь с пестротой городской...
То ли опять зарастёт непролазной тайгой...

Ах, что бы ни было... Прошлое будущим грезит.
Но след сохранится невидимый. Шрам не исчезнет.

Исчезнет Россия, исчезла уже,
вся изрешечена в шрамах,
Сколько бы здесь ни воздвигнули клубов и храмов.

9 сентября 1990 года

Последнее, что слышал он,
Десницей дьявола казнён,
Здесь, под забором умирая,
Карябающий грай ворон,
У леса самого, у края.

Тьма опрокинулась над ним.
Уже нездешним, неживым...
Но в следующее мгновенье,
Объятый светом неземным,
Услышал ангельское пенье.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

В весёлом взгляде сноп
Лучистых мыслей. Крепкий
Высокий чистый лоб
Великолепной лепки.

Там, где коленчатый вал
Клепает изуверов
Ваятель изваял
Редчайший из шедевров.

На гибельном пути,
При родовых потерях,
Хоть избранных спасти
В отечественных дебрях.

И этот ясный взор,
Приравненный к поступку,
Был брошен под топор,
В родную мясорубку.

Дабы избыл, исчез
Из местности бесплодной
Ниспосланный с небес
Сноп света путеводный.

* * *

Солнце светит иль дождь моросит —
Да в любую погоду —
Человечество издавна мстит
Одному лишь народу.
За Христа изнывало от ран
Авраамово лоно —
Под хвалёной пятой египтян,
Под луной Вавилона.
Строем эллинских, римских когорт
Сметено на край света.
Кодлой красно-коричневых морд
Издрывлено в гетто.
За Христа — до и прежде всего —
Мстят евреям и мстили.
Не за то, что распяли Его,
А за то, что родили.

У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ НА ЛУБЯНКЕ...

День памяти жертв политических репрессий в России

Неиссякаемое горе.
С утра до ночи имена
Текут, текут... Лежит страна
У ног Лубянского подворья.

Народы, претерпевши муки
несметные, сошли с Земли.
Сегодня дети их и внуки
У камня помянуть пришли.
Вокруг него посты, ограда.
Поодаль пристальный портал
Следит за действием... Как надо
Благословляя ритуал.
Ни шага в сторону. Броженье
Отставить. Без предупрежденья
Стрелять, отлавливать, лупить.
В параше НТВ топить.
О, неужели в муке крестной
Молитва стала бесполезной?
И крест спасительный, чудесный
Расклёвывает вороньё?..
Уже не на краю у бездны,
а в самом гноище её.

На площадь, вниз – на сгусток горя,
Из окон, где закат погас,
Глядит Лубянское подворье
Стальными щупальцами глаз.

* * *

Отечественному талибану
С почётных высоких мест
Взирающему окрест,
Давно уже по барабану
Любой наш протест.

Прокладывая дорогу
Одну, мимо отчих могил,
Вышагивает с ним в ногу
Православный Игил.

Не будем печалиться, хлопчик,
Мой юный отважный друг.
Они же берут на испуг.
Пусть даже в асфальт затопчут
Кого-то, или вздёрнут на крюк.

В их мрачных боеголовках,
Которые на плечах,
В бульдожьих нахрапах, уловках
Трепещет их собственный страх.

А мы, вопреки их потугам,
Уже неразлучны друг с другом,
И в будущем, может быть...
Под благословенным фейсбуком
Рот кляпом уже не забить.

Разрозненные люди...
Разбросанные города...
Но техника в кои-то веки
Сближает, как никогда.

Укусы ползучего гада
Целебным прививкам сродни,
Удерживающим от распада
Единство Господней семьи.

Отметим в смущенье задорном
На их языке подзаборном,
Другого они не поймут,
Что те, кто свободен от пут,
На них положили с прибором.

ПАМЯТНИК КАЛАШНИКОВУ, УСТАНОВЛЕННЫЙ РЯДОМ С РЕДАКЦИЕЙ «РАДИО СВОБОДЫ»

Руки вверх, мусье и лорды!
И не прячьтесь друг за дружку.
Вас, глашатаи свободы,
Взял Калашников на мушку.

Наш герой... Мелькают в окнах
Страхом скованные лица.
Даже вам, кротчайший Кротов,
От него не откреститься.

* * *

Владенья княжеские распростёрты
За горизонт: и здесь и за бугром.
Бабло и быдло — две бульдожьих морды
Нарисовались в зеркале одном.
Лоб в лоб. Их и по звуку не разумеешь
И соответственно — по существу.
Набитый дутым капиталом имидж
Качается, как бочка на плаву.
А тем, которые на дне, сгодится —
Мол, век живи, голубчик, век учись —
Гулаговский наказ: не шевелиться.
Тебя не трахают, не шевелись.
Прислужники горластые, как дети,
Готовые ослушников заклясть.
Грозит последней бойней на планете
Напуганная княжеская власть.
Чьё пустозвонство — бла-бла-бла — обрыдло.
И наблюдать, как в деловом поту
Совокупляются бабло и быдло —
Невмоготу.

АЛЛАХ АКБАР

Проповедь отца Дмитрия Смирнова

Молодой мусульманин без сомнения и страха
Готов каждый миг умереть за Аллаха.

С ног до головы себя динамитом обвяжет
И – в толпу, или под поезд ляжет.
Куда мулла укажет.

Думаете они безбашенные, с помутнённым сознанием?
Да нет, они почти все с высшим образованием.

А у нас какой-нибудь хлюпик пойдёт умирать за Христа?
Чёрта с два!

А как мусульмане молятся на Ураза, видели вы?
На коленях стоит, считай, пол-Москвы.

Не пройти-не проехать возле их синагог, то есть мечетей,
Прости, Господи, оговорился.
Видимо-невидимо их народ расплодился.

А потому и детей в материнской утробе не губят.
Рожать любят.

И не желают, чтобы ими правили всякие педерасы.
И полуголые девки на эстраде выделявали выкрутасы.

А у нас... Свободно, бесстыжие, пляшут.
Все рвутся в Москву! В деревнях не сеют, не пашут.

Нет, мусульмане не поддаются общим химерам.
Любой из них будет для нас примером.

Я и на службе их побывал, не скрываю.
Ин-ша-лла – может, ещё и не раз побываю...

ИГУМЕН СЕРГИЙ РОМАНОВ

«Предлагаю страдающим духовной проказой,
предлагающим русскому народу самоизоляцию...
выселить их по выбору в Биробиджан...»

Команда сверху нам дана
Позакрывать все храмы.
Непобедимая страна
Страшней не знала раны.

Строчат прицельно по сердцам
Кошунственные речи.
Повсюду сеют стыд и срам –
Антихриста предтечи.

А я их не боюсь, ей-ей!
Они же в падшем мире
ПсевдопандЕмией своей
Уж многих охмурили.

Без алтаря, без главных тайн,
За храмовым порогом,
Теперь по-ихнему онлайн
Изволь общаться с Богом.

Зане – маниакальный вздор
От горлопанов главных
Подхватывает блудный хор –
Тьмы псевдоправославных.

Да я бы этих прихожан,
Изобличённых в фальши,
Сослал бы в их Биробиджан!
Или куда подальше...

А с ними всяческая гнусь
Мгновенно испарится.
Попомните – Святая Русь
Тогда лишь возродится.

ИГУМЕН СЕРГИЙ РОМАНОВ ОТВЕЧАЕТ СВОИМ ОППОНЕНТАМ

Осанна в вышних, Господи, осанна!
Они меня, Меня! лишили сана.
Да мне давно уж по фигу их сан.
Я сам с усам.

Не дали мне построить главный
Собор. Военного мощней
И выше. Самый православный
Он был бы на Руси моей.

В нём преклонили бы колена,
Молящихся одновременно
Десятки тысяч прихожан.
Он мог бы с дальновидной целью
Стать очистительной купелью
Для басурман.

Когда китайцы до Урала
Дойдут, а будет их немало,
И чтобы дальше не пустить,
Тут всех бы враз и окрестить.

Но вы не дали... Конституций
Прислужники. Слова найдутся
Для оправданий – полон рот.
Агас! Антихрист у ворот.

Сочетовалися не вы ли
С кремлёвской шелупонью, власть
Подмахивая им... Влупили
Поправочки... А вы – вась-вась
С блудилищем – благословили
Рабовладельческую власть.

Грядут, грядут грозы и громы
На вашу «праведную» спесь.
Всё Православие в разломы
Пошло. Но цельный центр – здесь.

Всяк подчинённый вам служитель
Изжован, как рахат лукум.

Но я не сдам свою обитель,
Раб Божий Сергей-Аввакум.

ХРАМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

У наших паханов дела не так уж плохи.
Орудуют, рулят, потворствуя братве.
Зри, Божий человек, на памятник эпохи,
Царящей по сей день с гебнёю во главе.

Бронированный храм откован, цвета хаки.
Храм - крепость на века, когда вокруг враги.
Пальнуть по ним по всем молитвой паки, паки...
На куполах золотых алмазные клинки.

Его благой порыв обременён корыстью.
И – с небом не в ладу, он глухо в землю вбит.
Послушный богомаз расчётливою кистью
Твердыне огневой придал сакральный вид.

И маршальским рядам, и боевым наградам.
В мозаику толпы из алтаря смещён,
Ждёт часа своего усатый пантократор,
Который хоть сейчас готов воссесть на трон.

Крупно-зарядный ствол вздымает колокольня,
Сгущая над собой и в ясный полдень мрак.
И будет на весь мир вещать многоглагольно
Чугунный пуп земли: кто брат наш, а кто – враг.

МОИМ ПРАВОСЛАВНЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ, ЛЮБЯЩИМ РОССИЮ НА БЕЗОПАСНОМ РАССТОЯНИИ

До тошноты знакомый запах,
Тлетворный, на косматых лапах,
С чистейшими себя смешил,
Просачиваясь на Запад
Из наших гнилостных низин.

Обрушивается мощь потока
Патриотической лузги
На скромных выходцев с Востока,
На девственные мозги.

Воспоминанья дорогие
В ответ на стоны ностальгии —
Прельстителю всегда с руки
Забинтовать петлём тоски.

Твердит: оставшись на чужбине,
Мы прошлого не предадим.
Для нас отраден и поныне
Отчизны горько-сладкий дым.

И всяческие отсрочки
Нам не угодны. Вечный бой!
Да — в троеперстии, в платочке,

В древлеславянской оболочке.
Приходы – огневые точки
На линии передовой.

Важны военные парады,
когда страна в тисках блокады.
Строй женщин белый свет затмил.
Им ангелы на небе рады.
Их маршу рукоплещет мир!»
И так далее... Конец тирады.

Там, где прозрачные пейзажи
Обласканы теплом дорог,
Там бесполезен ваш урок
И самовосхваленья ваши.
Где воздух чист и светлоок,
От вас несёт, как из парашаи.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ

Против лома нет приёма, кроме лома...
Ну, а где ж его в смертельной схватке взять...
Если в сломленной душе из бурелома
Хлипких веток — только веники вязать.

Всё ж, попробуем... Чтоб не лежать на брюхе,
Обозрев святоотеческую даль,
Чтобы выстроить в колеблющемся духе
И терпимость, и отточенную сталь.

И не мыкаться по воле дуrolома
Удаляющейся искоркой в ночи.
Против лома нет приёма, кроме лома,
Кроме камушка Давида из пращи.

Если б, братья, мы друг друга понимали,
В Крестном Знаменье один приемля знак,
То давно бы уже зубы обломали,
Нас вкушающие — крыса или хряк.

* * *

Жителя постсоветской эпохи
На свободном, казалось бы, вдохе
Взял за горло блуждающий бес.
Замордованный житель России
Усомнился в спасительной силе,
Нисходящей с небес.

«Мне твои непонятны идеи, –
Говорит он, о правде радея, –
Мир повязан законом одним.
Вечно будут у власти злодеи,
Вечно церковь потворствует им.
Вроде нашей – твоей – велегласно
Славить их и подмахивать страстно.

Рождество?..
Может, Он заблудился?
В день назначенный объявился
И потопал по тем же следам.
Сколько раз Он уже родился,
А воз и поныне там.»

Всё, как есть. Всё действительно, вроде...
В нескончаемом хороводе
Лихолетий – народ одичал.
Что я мог возразить в разговоре?..
Оправдать безутешное горе
Личной верой в Начало Начал?..
Взгляд потупив, я глухо молчал.

ПОЖАР В КЕМЕРОВО

Это образ всей страны —
Запертой базарной клетки,
Где сгореть обречены
Наши дети.

* * *

Всё-равно слово правды само
Пробивается к свету.
Нынешним вертухаям слабо
Рот заткнуть интернету.

Хоть у них все бразды в кулаке...
Но, от века свободна,
Правда лупит их по башке
И стыдит всенародно.

Но, поди, докажи, чья вина.
Не всякий услышит.
Облапошенная страна
Смертным воздухом дышит.

Им теперь, кровь из носа, нужны
Лавры победоносной войны.
Война всё спишет.

В наши, или в грядущие дни,
Всё же песня их спета.
Потому и страшатся они
Интернета

КОРОНА

1

Будто Змей Горыныч вырос
Над Землёй Хароновирис.
Угрожает – ой-ё-ёй –
Всех перешибу соплём,
Задушу, сведу на силос.

Бедные мы человеки...
Отмахнулись в кои веки
Аппетитным калачом
От Отческой опеки.

Сами знаем, что по чём!
И своим путём попёрли
С калачом, как с колом в горле.

Только ты, Горыныч, врёшь.
Всех ты не перешибёшь.
Но при том, кто знает, впрок,
Может, Истине послужишь...

Род людской слегка приглушишь.
Заодно и наш Совок,
Разводящий тары-бары,
Падкий до всемирной свары.

Всё же, погоди, чуток.
Чтобы нам Господь помог
Из неотвратимой кары
Жертвенный извлечь урок

2

Коронавирусом затрахан,
Весь мир объят повальным страхом.

Не то чтобы плашмя лежит,
Но в городах дрожмя дрожит.
Поверженный его размахом.

Сия награда по заслугам.
Нам не на кого пенять.
Повязанным, ни дать, ни взять,
Одной петлёй – природным кругом,
Душевной смуты не унять.

За утешительной бравадой
Не спрячешься, идя на тест.
Так заручимся горькой правдой,
Спасительной сермяжной правдой –
Не выдаст Бог, свинья не съест.

* * *

К тебе, новоявленный Ирод,
Любовь обездоленных сирот
Зашкаливает навзрыд.
Ковшом телящика вырыт
Наш путь, костоломный наш быт —
Назад, в ледниковый период.

Направленный рупор сплотил
Толпу зачумлённых громил,
Послушных командному бреду.
И мамонт в ночи вострубил
Косматую вашу победу.

* * *

У метро три старичка раздают листовки:

Голосуйте за «Единую Россию».

Суют и мне.

«Свят, свят, свят – говорю – упаси Бог...»

И уже отойдя, слышу:

«Правильно, молодец».

Обрачиваюсь:

«А зачем раздаёте, если правильно?!»

«Хорошо платят, сынок,

Полторы пенсии за три дня».

ДОРОГА НОЧЬЮ

Кромешная темень у речки,
где полуразрушенный мост.
Гнилушек болотные свечки,
холодные блики берёз.
Куда меня леший занёс?..
Ещё до растопленной печки
мне топтать четырнадцать вёрст.
По глине раскисшей, по лужам...
Я их обхожу кое-как...
В любой бочажок, буерак
насыпало небо жемчужин —
мой путеводительный знак.

1988

* * *

Заблудился. Надо было к логоу
от болота взять ещё правей.
В сумерках наткнулся на дорогу.
Зашагал к деревне поскорей.

Вот уж слышно, как собака брешет.
Вот и речка, и Кривой бугор.
Ни огня в деревне. Только блещет
Сириус
да светит скотный двор.

1988

**ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ К. МАКОВСКОГО
«ДЕТИ БУДУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ» (1872 г.)**

Анютка – с рожденья в заботах –
Босая по лугу бежит.
Вцепившись в неё, на закорках
Егорка от страха дрожит.

Кикимора прячется в яме.
Рогатый прикинулся пнём.
Порыкивает за холмами,
Грозится и скалится гром.

Лихая беда неминуча.
Оттуда, нацелясь в обход,
Как будто медведиха, туча
На задние лапы встаёт.

Вот-вот подомнёт... Через реку
По хлипким мосточкам спешит...
И дальше – по склону, по снегу,
Навстречу двадцатому веку
Босая Россия бежит.

А больше и некуда вроде...
Грядущее брезжит вчерне.
При губительной непогоде
Светло только в той стороне.

Упасть бы хотя под корягу
Какую... И тучу заклясть!
Навстречу Совдепу, ГУЛАГу
Бежит ко всеобщему благу,
Коммунии – в самую пасть.

Как долго в блокаде природной
Ещё ей дрожать и дрожать...
От общей беды безысходной
Помимо той кривды вольготной
Ей некуда было бежать.

СПАСТИ РОССИЮ МОЖЕТ ТОЛЬКО БОГ

Мать Мария, Борис Пастернак, Александр Мень

Советчина и всё, что вслед за ней
Посыпалось, вплоть до позорных дней
Сегодняшних – не изжитая скверна,
Лютующая закономерно.

Из сказочных, из тех дремучих лет,
Задолго до Петра, проложен след
В сердцах, на площадях, в собор огромный
Протоптан изначально-вероломный.

Завещано нам будто на роду
В краснознамённом побывать аду,
Под гром победный – скопом вымирая,
В преддверии обещанного рая.

И ныне правящая шпана –
Наследственный продукт. Наделена
Всё той же тёмной ненасытной властью.
При нашем же согласии отчасти.

Разлад, распад – естественный итог.
Спасти Россию может только Бог –
Без вездесучей помощи лукавой,
Ещё не поздно если... Боже правый...

* * *

Священнику отцу Дм.

Рыба гниёт с головы. А царство безбожное с Церкви,
Которую оно проглотило и переваривает уже тысячу лет.
У потерянного населения нет под ногами тверди,
И просвета небесного тоже нет.

И задыхаясь, повязанная животным страхом,
Пускает благоразумная флора со дна пузыри.
Тысячелетнему царству грозит неминуемым крахом
Церковь, разлагающаяся внутри.

Чудищу облу, огромну, стозевну никак не даётся
Её растворить в себе, или же вдруг отрыгнуть.
Так, наверное, неразрывно придётся,
Болезненно истлевая, доживать как-нибудь.

Но оставаясь в узилище смертельных схваток
Внутри и вовне, там, где не всё мертво,
Обновляется, сохраняется чудом Остаток,
Господи, народа истинно Твоего.

ФЛЕЙТА МАРСИЯ 1970–2019

Комета над «Космой и Дамианом»

Комета над «Космой и Дамианом»
едва мерцает пятнышком туманным.

Тверская ослепительно пестра.
Инфляциям обвальным не сдаётся.
Младое племя весело пасётся
под Пушкиным, балдея до утра
в мечтах — перепихнуться, уколоться.

Из темноты церковного двора
комету видно, словно из колодца.
Надмирно реет росчерком пера.

Две тысячи и триста лет назад
она всходила над Землёю... Над
ещё одним испепелённым царством,
над Аристархом и Экклезиастом.

Она стояла в этом месте над
лесным безмолвием, ночным безбрежьем.
И с любопытством, может быть, медвежьим
за ней следил медлительный сармат,
косматый предок мой... Вперяя взгляд
в огромный небосвод, как в циферблат.

Как я сейчас из глубины двора,
из нашей общей с ним подлунной ямы,
смотрю туда же, застясь от рекламы,
как он когда-то лапой от костра.

ВОСХОД ВЕНЕРЫ

Тому, кто книг о небе не читал,
словарь земли — сплошные опечатки.
С геологами я его листал
лет десять — от Хибин и до Камчатки.
От «поля» к «полю» маятник стучал,
и молодость намыливала пятки.
Она так грубо затыкала рот
Вопросами, один другого спорней,
что я бы спился. Если бы не тот
Венеры знак: восход и разворот
ко мне. И увела из преисподней.

Якутия. Река Ниргилиндже.
Последний лагерь в Огненном каньоне.
Последние маршруты.
На ладони
колючий снег. И смута на душе.

Я помню эту ночь. Как раз совпал
конец сезона с чьим-то днём рожденья.
В купели красной, в отблесках купал
нас всех костёр, когда вокруг собрал.
И в кружки спирт бежал без промедленья.

Как в линзу, мир вошёл в квадрат стола.
И я его разглядывал вплотную.
А между тем бессвязно речь плыла
и выплеснулась в блатную.

Ну, а когда зачинщики бузы
Осатанело за ножи схватились,
я видел, как над нами две слезы
по небу отступившему скатились.
Похрустывал под сапогом песок.
Постой, товарищ, отдохнул бы малость...
И эхо разъярённое металось
во тьме Архея.

Трогала висок,
дрожала и заглядывала в лица
звезда, — ещё тогда не назвалась.
Как будто бы искала среди нас
кого-то
и боялась ошибиться.

Моя о небе первая страница.

ТВОРЧЕСТВО

Стихи роятся гроздьями. Они
растут во мне, цепляясь друг за друга,
пока на стол в безоблачные дни
не лягут полновесно и упруго.

Не обольщаюсь, дар мой не велик.
Срывается и аритмично дышит.
И я уверен, что в какой-то миг
стихи себя невольно сами пишут.

Не ладится, не строится строка.
Страшит косматый чад черновика.
Качается, как хаос первозданный.
В нём серебрится замысел туманный.
Но нету сил уже или пока...

И вот тогда, намечена вчерне,
как будто лань при родах, выгибаясь,
строка трепещет, разрывает завязь,
и мечется, и помогает мне.

Не так ли и Творец? Не прописав детали,
лишь контур обозначивший вначале, —
набросок наш, —
с него не сводит глаз.
И ждёт посильной помощи от нас.

1978

ОКНО

Св. Франциску

Природа — икона живая в невидимом храме,
лишённая приторной патины и старины.
В ковчезке оконном, в добротном сработанной раме,
немая берёза и мамины грядки видны.
Как спичка зажжённая, белка метнётся по срубам —
надёргает пакли и жёлудь запрячет в пазы.
Пронизан лучами, под стать молчаливому дубу,
стоит над лачугами ангел Златые волосы.
Когда заневестится утро и зашебуршится,
затенькает пеночка, вдумчивой ноте верна,
я тоже — из этой же стаи — встаю помолиться
пред вечностью, явленной здесь, в крестовине окна.
Какого ещё нам всеильного иконоборца
под занавес ждать — учредителя чёрной дыры!
Движеньем бровей демиурга — «высокого горца»
народы и горы обрушивались в тартарары.
Живая икона трепещет от нашего шага.
Уж пепел отравленный ауру нимба развел.
И нет, неспроста на заплаканных окнах ГУЛАГа,
сжимая пространство, железный намордник висел.

1989

ФЛЕЙТА МАРСИЯ

Ты, что божественный лик исказила,
флейта, будь проклята! Жребий таков...
Если Афина тебя не простила,
если швырнула сюда с облаков.

Поднял сатир на змеином болоте
флейту. Понюхал. В руках повертел.
Дунул и замер. Понравилось вроде.
Звук, словно голубь в ладони, слетел.

И полился беспечальный...
В овраги,
в рощи, в предгорья, в объятая полей
Зашевелились мохнатые маки.
Вылезли смоквы из мокрых ветвей.

Слушают. Ритма единого ради
тотчас платаны сгрудились вдали.
Дрогнули их богатырские стати.
Сдвинулись с места и кругом пошли.
Марсий знай щёки себе раздувает.
Славно свистит — никому не во вред.
Флейту лелеет и горя не знает.
Что ему сам Аполлон кифаред!
Вдруг — стусевался.
Вдруг — шаг осторожный.
Это — немедля свой голос явил
бог златокудрый в хламиде роскошной.
Тронул кифару — и дудку затмил.

— Или не ведал ты, варвар фригийский,
что поднимаешь?..

Отныне карать

всех, посягнувших на лавр Олимпийский!

С каждого заживо кожу содрать

так же, как с Марсия.

Трижды уверен

будь он в себе.

И со мной наперёд,

если теперь состязаться намерен,

пусть на Земле без неё поживёт.

1977

УРОКИ АНАКСАГОРА

Продышала звезда в облаках слюдяное оконце.
Вавилон, и Египет, и Греция стали видней.
Что мне спорить с Клеоном на площади?
Пусть он заткнётся!
Вон звезда в облаках... Лучше с нею останусь я, с ней!
Кто б я ни был: счастливый стратег или отпрыск
пелтаста,
свет её изначальный
во мне,
сквозь меня
и за мной.
Как бы там ни дробилось, ни замыкалось
пространство,
между нами — пролёт, между нами тоннель по прямой.
Пусть беснуется чернь. В тине сточных канав нерестится.
Обращённого к небу узнают и вырвут глаза.
Но тогда голос неба во мне, как нектар в алабастре,
сгустится.
Голос неба во мне и за мной. И творит чудеса.
Мы — посев на Земле. Благодатно зелёное лоно.
И отечество наше с акрополя не обозреть.
Мы — посев на Земле.
Мне плевать на угрозы Клеона —
выгнать, мол, из Афин! Не велеть ему в небо глядеть!
Этот пир демагогов протянется долго едва ли.
А покуда, Сократ, не хотел бы в иные края?
Разве я потерял? Афины меня потеряли.
Не упрямясь, Сократ. Что им жертва и совесть твоя!

1974

РИМСКИЙ ПОРТРЕТ

Мраморнокудрые... Иные лавром
увенчаны, обличьем богоравным,
иные плешью — мудрости залог.
Тот — внятно-зорок, этот — волоок.

Рты скорбные иль мечущие громы.
Шальные Каракаллы и Нероны,
до ужаса знакомые черты...

Такие ж точно рожи бронзовели,
торчавшие вчера на мавзолею
и ныне захватившие бразды.
Смотрю на них отнюдь не с высоты.

Плебей. Гимнаст. Возничий. Горожанин.
О, этот нашим потрясеньем ранен,
на нём двадцатого столетья тень.
Вольноотпущенных, трудом галерным
повязанных и страхом суеверным,
с лихвой прибило в настоящий день.

Тем царствовать под сонным зодиаком
и жировать, вкушая миражи,
пока их не подняли на ножи.
Все будут сыты — с гаком или с таким.
А праведники скормлены собакам.

Пространства обесточенные, холод
берёт за глотку, множа мятежи.
И каждый смертный на судьбу наколот.

И вечный вой: ты с этими иль с теми?!!
Какой-то такой Спаситель в Вифлееме
родился? Да и где он, Вифлеем?
Угомонись. Кого спасать? Зачем?..
Назад лет двести, говоришь, родился?
Две тысячи?
Да ты со счёту сбился

* * *

Сине-оранжево-белый мяч на волне.
Свёл и не размыкает руки наши давно.
Берег уже чуть виден. Пусть не виден совсем.
Берега нет, есть руки рядом твои.
В лоно волны кану...
Стоит надо мной
белое зарево ног. Острые два плавника.
Моря живейший пласт. Зелёная голубизна.
Ребристое, крепкое дно режут косые лучи.
Рядом две тени на дне — моя и твоя.
Брассом идти по дну, хищно вжимая живот.
Горсть золотого песку, вынырнув, протянуть.
Как земноводная тварь, море люблю.
Даже не знаю, кого больше из вас двоих.
Обнимет оно,
зацелует, бросит ещё, ещё
меня от тебя
к себе
и снова к тебе,
на острые два плавника.

* * *

Мне и сегодня близкий,
И в отдалённом свете
Ники Самофракийской
Бурный порыв к победе.
К верности, к участи лучшей
Воля неукротима.
Крыльев мускул могучий
Не лебеда, а херувима.
Склок олимпийских, сплетней
Выше. Мощью телесной
Чуть подалась... Последний
Шаг и – взлетит над бездной.
Безудержна, но – безоружна.
Пламенна, но – ранима.
Плоть обезглавлена, дух же
Тот же – необоримый.
В буйном порыве заложен
Грунт для стопы опорной
Того, Кто восстанет позже
Над безысходной бойней,
Над беспамятством Леты.
Ника дерзнувшая – это
Предвосхищенье победы
Плотника из Назарета

ПОЗДНИЙ СВЕТ

О, продираясь сквозь повадки крысы,
обыкновенные — захват, заглот,
любовь — итог невыносимой жизни,
извечных тягот долгожданный плод.
Не беглые плескучие зарницы,
с ума сводившие во цвете лет
под дудку фавна или чаровницы, —
а этот поздний повседневный свет.
Сквозь сети облетающего сада
Венера, расточительно светла,
восходит...
Не задаток, а награда
за жажду чуда, преданности, лада,
за всё — нет, нет, в семейном смысле — свято
отеческие малые дела.

КНИГИ АЛЕКСАНДРА ЗОРИНА

ПОЭЗИЯ

- ЯБЛОНЕВЫЙ ДЕНЬ. М.: Сов. Писатель. 1979.
Каменный листопад. М.: Современник. 1980.
ГНЕЗДО. М.: Сов. Писатель. 1989.
ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ. М.: Современник. 1989.
ПОСЛЕЗИМЫ. М.: Рекламная библиотечка поэзии. 1996.
ДОРОГА НОЧЬЮ. М.: Центр информатики. 1998.
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА. М.: Общество друзей Священного Писания. 1999.
КОМЕТА НАД КОСМОЙ И ДАМИАНОМ. М.: Православный Университет, основанный А.Менем. 2005.
ЭВХАРИСТО. М.: Новый хронограф. 2013.
МАРТ ОТЗЫВЧИВЫЙ МАРТ БЕЗУТЕШНЫЙ. М.: Новый хронограф. 2018.

ПРОЗА

- АНГЕЛ-ЧЕРНОРАБОЧИЙ (об отце Александре Мене). М.: 1993; 2004; 2017.
ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА. М.: Православный Университет, основанный протоиреем А.Менем. 2005.
ОТ КРЕСТИН ДО ПОХОРОН – ОДИН ДЕНЬ. М.: Новый хронограф. 2010.
МАМИН ДНЕВНИК И ДРУГИЕ ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ. М.: Новый хронограф. 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГАЛИНА КАЛИНКИНА И АЛЕКСАНДР ЗОРИН Интервью для журнала «Этажи». Сентябрь, 2021 г.	3
--	---

I

В гостях	16
Тоскую по дому оставленному... ..	17
Русский лес	18
Три лилии в гранёном хрустале	19
Сосна	20
Видно, я в своей судьбе... ..	21
Я эмигрант преклонных лет... ..	23
Деревце. Саженец... ..	24
Таёт свечечка... ..	25
Вот Лебедь, Андролмеда, Орион... ..	26

II

Прощай, Изабелин... ..	28
Здесь было еврейское кладбище... ..	30
Во мху, мягком и нежном... ..	31
Напрасно я, кажется, вышел... ..	32
Письмо	33
Жрецы, хулители, друзья... ..	34
Все сроки кончились... ..	35
Монастырь под Варшавой	36
Раньше он прислушивался к миру... ..	37
Нечего прятаться... ..	38
Советы голодающим... ..	39
Землю колеблют не только... ..	41
Бомба попала в дом	42
Обида	43
Последними словами поминая... ..	44
Бологое	45
Из семейной хроники старшего, недавно почившего, друга	
1. Будто лягушку сунули за воротник	46
2. Я чувствую, я вам враждебен	46

Сквозь ветви в синеве раскосой...	47
Земле земное	48
Саул и Давид	49
Вирсавия	50
Авессалом сын Давида	51

III

На финишной прямой...	54
Сороковины	55
Совдепией родной изрядно покорёжен...	57
Ровеснику	58
Чуть живому дыханию внемлю...	60
Ох, не люблю магазины и рынки...	61
Сон приснился: звонок...	62
Юбилейное	
1. Нужна железная закалка	63
2. Мне восемьдесят лет... ..	63
Над костром клубится дым...	65
Молодости не завидую...	66
Я Солнце не люблю в зените...	67
Я никогда не носил костюмов...	68
А приглядеться попристальной...	69
Как полюбить Господа, не видя Его?	70
Суета разрывает на части...	71
Не встретились. Прочь улетели...	72

IV

Дорожка в Семхозе...	74
9 сентября 1990 года	76
Штрихи к портрету отца Александра Меня	77
Солнце светит иль дождь моросит...	78
У Соловецкого камня на Лубянке	79
Отечественному Талибану...	80
Памятник Калашникову	82
Владенья княжеские распротёрты...	83
Аллах Акбар	84
Игумен Сергей Романов	86

Игумен Сергей Романов отвечает своим оппонентам	88
Храм вооружённых сил	90
Моим православным соотечественникам... ..	91
Межконфессиональное	93
Жителя постсоветской эпохи... ..	94
Пожар в Кемерово	95
Всё-равно слово правды само... ..	96
Корона	
1. Будто Змей Горыныч вырос... ..	97
2. Коронавирусом затрахан... ..	98
К тебе, новоявленный Ирод... ..	99
У метро три старичка... ..	100
Дорога ночью	101
Заблудился. Надо было к логу... ..	102
По мотивам картины К. Маковского... ..	103
Спасти Россию может только Бог	105
Рыба гниёт с головы... ..	106

V

ФЛЕЙТА МАРСИЯ 1970-2019

Комета над «Космой и Дамианом»	109
Восход Венеры	111
Творчество	113
Окно	111
Флейта Марсия	115
Уроки Анаксагора	118
Римский портрет	119
Сине-оранжево-белый мяч на волне	121
Мне и сегодня близкий	122
Поздний свет	123
Книги Александра Зорина	124

Литературно-художественное издание

Александр Иванович Зорин
ВОСХОД ВЕНЕРЫ

Издатель *Леонид Янович*

Корректор *Ольга Крупченко*
Верстка и оригинал-макет *Андрей Королев*
Обложка *Ульяна Янович*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон 8-916-651-3094
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 02.12.2022
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. – 4
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 91

ISBN 978-5-94881-517-6

9 785948 815176